

Е.А. СМЫШЛЯЕВ
(г. Челябинск, Россия)

УДК 821.161.1.1 (Болдырев Н.Ф.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,445

ОРИЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ Н.Ф. БОЛДЫРЕВА

Аннотация. Данная статья посвящена ориентальным мотивам в лирике челябинского поэта – Н.Ф. Болдырева: мотиву времён года, мотиву созерцания и отшельничества.

Ключевые слова: мотив, ориентальный мотив, образ, поэтика.

Болдырев Николай Федорович – поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Родился 30 октября 1947 года в городе Серов Свердловской области. Жил в Сибири, на Дальнем Востоке, на Северном Кавказе. С 1972 года живет в Челябинске. В 1997 первым из южноуральцев стал номинантом Букеровской премии за книгу эссе «Ностальгия по пейзажу», написанной в 1996 году.

Н.Ф. Болдырев является автором четырёх стихотворных книг: «Медленное море», «Возвращение восточного ветра», «Имена по слов», «Вотчина».

Н.Ф. Болдырев крупный поэт не только регионального, но и российского значения и в целом оценен критикой, но собственно литературоведческих исследований его лирических произведений нет, поэтому изучение его творчества безусловно актуально.

В статье основное внимание уделяется ориентальным мотивам стихотворений Николая Фёдоровича Болдырева. Изучением ориентальных мотивов в творчестве отечественных писателей занимались такие учёные-филологи, как Е.Е. Жарикова О.А. Бузуев, И. Ли, С.И. Якимова.

Определение ориентальным мотивам даёт Е.Е. Жарикова в своей диссертационной работе: «Ориентальный мотив – это устойчивый формально-содержательный компонент художественного текста, воплощенный в системе константных для поэзии Востока образов, которые сохраняют свою соотнесенность с ценностным и предметным миром восточной культуры» [Жарикова 2008].

Из биографии Н.Ф. Болдырева известно, что он некоторое время жил на Дальнем Востоке и это не могло не сказаться на его поэтическом мировосприятии и мироощущении, ориентальной направленности лирики.

Ярким примером, демонстрирующим близость поэзии Н.Ф. Болдырева восточным мотивам, является стихотворение «Не в голосах, не

в шепоте листвы...», в котором основным мотивом выступает мотив времён года – излюбленный мотив восточной лирики. Здесь и далее в работе под восточной лирикой следует понимать поэзию Китая и Японии, поскольку эти культуры являются близкородственными. Так, японская литература на ранней стадии своего развития испытала сильнейшее влияние китайской литературы и, зачастую, писалась на классическом китайском языке. Влияние Китая в разной степени ощущалось вплоть до конца периода Эдо. Следовательно, система мотивов и образов японской литературы во многом схожа с китайской.

Важным элементом восточной поэзии, в частности японской, было наличие в лирическом сюжете стихотворения «сезонных слов», указывающих на время, рождающих ассоциации с определенным временем года [Жарикова 2008]. Мотив выражен осенними образами пожелтевших деревьев, изморози, первой корки льда:

...в странной теплоте стволов осенних
над примороженной землей, в дымке ботвы...,
...блестит ледок
серебряной вещицей на ладони
[Болдырев 2007: 51].

Упоминание картин известного японского художника Андо Хиросигэ, мастера цветной ксилографии, играет важную роль в создании образа осени. В лирических камерных пейзажах с жанровыми мотивами художник передавал зыбкие состояния природы, атмосферные эффекты снега и тумана:

А графика стволов, ветвей и крыш
напоминает почерк Хиросигэ
[Болдырев 2007: 51].

Мотив созерцания и отшельничества, также, относят к ориентальным мотивам, так как они напрямую связаны с традициями философии Востока. Истоки мотива созерцания кроются в постулатах даосизма. Большое место в даосизме уделено принципу «не-деяния», который предписывает человеку активно не вмешиваться в жизнь. В стихотворении «Лист ивы упал, я беру его плавно» плавностью образа листа ивы передаётся умиротворение от созерцания природы.

Семантика некоторых мифопоэтических образов, например ивы, трактуется по-разному в Европе и Восточной Азии. Плакучая ива в западной культуре считалась символом смерти, потому что росла на кладбище. Однако в буддийских верованиях с ивой связывали

наступление весны. Она была «однозначно весенним эротическим символом: жрицы любви назывались «цветы и ивы» [Эпштейн 1990: 36]. В восточной культуре дерево стало символом женственности. Так в стихотворении танкского поэта Бо Цзюйи «Вечная печаль» описание внешности главной героини соответствует восточной поэтической традиции:

Как лицо ее нежное – белый фужун,
Листья ивы – как брови ее.
Все как было при ней. Так достанет ли сил
Видеть это и слезы не лить?

[Эпштейн 1990: 143].

Так и в стихотворении Н.Ф. Болдырева лист ивы символизирует нежность и хрупкость. Лирический герой берёт его плавно, чтобы не нарушить хрупкость и красоту и, вместе с тем, он обретает умиротворение: «утихла в крови неутихшая лава», «И тихому звуку сподобилась жизнь».

Мифопоэтическая символика многих растений на Дальнем Востоке восходит к древнейшему китайскому памятнику «Шицзин», где «бамбук символизирует стойкость и благородство, лотос и орхидея олицетворяют утонченность, ветвь сливы – дыхание весны, время исполнения желаний [Эйдлин 1973: 48]. В стихотворении Н.Ф. Болдырева «Как сад мой мал!» из книги «Вотчина», образ спелой сливы символизирует весну, сочность жизни:

Я должен медленно и точно
следить за почками и цветом,
за желтизной и сорняками
и за пейзажем спелой сливы

[Болдырев 2007: 43].

Главным мотивом в этом стихотворении является мотив созерцания. Образ сада – аллегория образа души человека. Лирический герой следит за тем, чтобы сад – его внутреннее пространство, был чист от сорняков, которые олицетворяют пороки, чтобы листья на деревьях не желтели, и всё это автор демонстрирует нам через принцип не-деяния: лирический герой следит за тем, что происходит, но не принимает активного участия, не пытается что-то изменить.

Созерцанием может являться наблюдение природы внутреннего мира человека:

Ты сам – единственная вечная природа,
в своих полях бредешь, не зная брода...;
Здесь счастье – в созерцаниях пропасть
[Болдырев 2007: 43].

В стихотворении «Зеркала» из сборника «Медленное море» созерцания яблони приводит лирического героя к осознанию общности всего в мире, перетекает в созерцание своего внутреннего мира:

Занятый созерцанием яблони,
я вижу в ней то напряжённую,
то раскрепощённую игру моих
внутренних ветвей, листьев
[Болдырев 1995: 36];

В древних мифологиях существенную функцию выполняли фитоморфы – растения, наделяемые магическими свойствами. «Во многих развитых мифологических картинах мира присутствует образ могучего дерева» [Эпштейн 1990: 101]. В данном стихотворении фитоморфом является яблоня, созерцая которую лирический герой приходит к пониманию своей сути.

Созерцание природы в горах и у воды восходит к китайской поэтической традиции, в которой сложилась своя культурная модель восприятия природы. В космографическом плане эта модель воспроизводит сакральный центр с триадой «гора – дерево – вода» [Жарикова 2008: 31]:

У ручья под горой
ты встала меж двух громадных,
почти до облаков, в два обхвата
тополей; встала, улыбкой светясь
[Болдырев 1995: 67].

В стихотворении «Динь-динь-дон – говорит нам река» общение лирического героя с рекой является элементом созерцания в восточной философии, восприятия мира неживой природы как одухотворённого, наполненного энергией бытия:

Динь-динь-дон – говорит нам река.
Динь-динь-дон – жизнь легка, не легка
[Болдырев 2007: 24].

В стихотворении «Воды и земли» присутствуют традиционные восточные мотивы созерцания природы. Образ горы, сосен, ветра и их единства воспевают автор в стихотворении:

Гору сгибаю как лук,
увидел бег сосен с вершины.
Ветер восточный подул
[Болдырев 2007: 39].

Мотив молчания в данном произведении напрямую связан с созерцанием:

Я ничего не скажу.
Выйдем во двор.
Розами небо укрыто
[Болдырев 2007: 39].

Стихотворение «Воды и земли» разделено на восемь частей и некоторые из них напоминают жанр японской поэзии – хокку. Японское хайку – это 17-ти слогное стихотворение с внутренним делением на три неравные по числу слогов (5–7–5) ритмические группы. Слоговой состав, ритмика, количество строк в стихотворении близко к этому жанру. Так, Н.Ф. Болдырев упоминает во второй части стихотворения Иссю – японского поэта, мастера хокку Кобаяси Иссю:

«Ничегошеньки нет в моем доме – только прохлада
и душевный покой», – Исса сказал.
Боже ж ты мой! В доме моем столько вещей!
[Болдырев 2007: 39]

Н.Ф. Болдырев не ставит перед собой задачу писать классические хокку и танка, а скорее имитирует этот стиль и частично вводит его в лирические произведения с целью создать у читателя ощущения погруженности в мир восточной культуры. Также, как было сказано выше, хокку имеет непосредственную связь с учением дзен, идеалы и образы которого можно усмотреть в лирике Н.Ф. Болдырева.

Приобщение к духовным истокам чаще всего ведет к одиночеству, отшельничеству – еще одному варианту даосского возврата к «естественности», во многом определенному религиозно-философской системой древнего Востока, проповедовавшей покой и отрешенность человека от суеты мира. В стихотворении «Мы более не будем петь

осанну» лирический герой уходит в пустыню, для обретения покоя, смысла жизни, для обретения себя:

Уйдём в пустыню, где никто не ходит;
Стань степью сам, остепенись и стройся;
Мы будем петь и только будем петь
[Болдырев 2000: 25].

Упоминание осанны в начале стихотворения предзнаменует уход лирического героя от зависимости от кого бы то ни было. «Мы более не будем петь осанну» означает – мы более не будем никого восхвалять, и обратим внимание, прежде всего на себя, на свой внутренний мир. Лирический герой своё спасение видит в себе, в уходе от цивилизации, в свободе, которая предстаёт перед читателем в образе грохочущих волн – силы, которую никто не покорит:

И кто тебя возьмёт за жабры здесь,
когда ты как волна во сне грохочешь.

Отшельничество в контексте дао – намеренный уход от цивилизации с её агрессией ради очищения и умиротворения в лоне природы:

Я качаюсь меж голых межзвёздных пустынь
молча слушая тьмы нарастанье
[Болдырев 2000: 18];

Костёр
в молчаливом одиночестве
греющий сам себя
[Болдырев 2000: 18].

Мотив отшельничества-одиночества проходит через весь сборник стихотворений «Имена послов», изданный в 2000 году: Одиночество для автора – не уныние, а возможность развития духа, глубокого размышления, самоанализа – аскеза:

По сторонам смотри хоть сотню лет,
увидишь только тьму, сильнее нет
мерцаний и свечений млечных мрака
[Болдырев 2000: 39].

Тьма не воспринимается автором как нечто злое, пугающее, напротив, автор говорит о ней, как об основе мироздания. Одиноче-

ство – повод задуматься о вечном, о жизни, её ценности и уникальности в масштабах вселенной.

Суть образов и мотивов в книге «Вотчина» можно объяснить и понять через смысл названия сборника. В этой книге Н.Ф. Болдырев рассуждает о том, что же для него «вотчина» и где она? Автор из произведения в произведение рефреном задаёт вопрос: «Где вотчина?» и пытается дать на него ответ через мотивы природы, созерцания, ориентальные мотивы, мотив смерти:

Где вотчина для берега и края?
Вот кто-то в землю сник.
Мы разве исчезаем, умирая,
А не меняем лик?

Где вотчина, что, мнилось, может сбыться?
Ты сам – как забытьё
Чего-то бесконечно важного, что будет длиться
В отсутствие твое

[Болдырев 2007: 41].

В стихотворении «Есть то, где ты неуязвим» Н.Ф. Болдырев создаёт пространство, принадлежащее человеческой душе, всеобъемлющее и широкое, не имеющее определённых границ. Создать такое пространство помогает художественный образ «млечность зим», в котором автор синтезирует бесконечность пространства моря и млечного пути:

Есть то, где ты неуязвим.
И это всё, что есть.
Там, словно море, млечность зим.
Там куст растёт неопалим.
Там ты не часть, а весь

[Болдырев 2007: 74].

Вотчина для поэта – родное пространство, в котором он чувствует себя в безопасности, в котором он может творить, пространство души, со всеми её перипетиями, изменчивостью, слиянием с природой.

Помимо мотивов и образов восточной культуры автор вводит в лирическое произведение аскезу – образ культуры христианской:

Там миллионы лет подряд
дожди и реки не молчат,
а для аскезы жар

[Болдырев 2007: 74].

Стоит сказать, что синтез двух культур в одном произведении для Н.Ф. Болдырева является вполне естественным, так как он отталкивается от метафизики – раздела философии, занимающимся исследованием первоначальной природы реальности, мира и бытия как такового.

Размышления писателя о судьбах мира, об осознании своего «я» волнуют Н.Ф. Болдырева и как поэта, и как философа. Отчасти этим он объясняет и свое давнее пристрастие к немецкоязычным поэтам, переводами которых он занимается: «Немцы – большие метафизики. Это их сила. Настоящая поэзия философична. Не в смысле академического пустословия, а в смысле исследования истоков, исследования сознания, человека, нашей речи. Кто мы, куда мы идем, в чем смысл жизни» [Отрыванов 2007]. Именно синтез, соединение в творчестве двух, казалось бы, противоположных культур, поиски начала начал являются отличительными качествами лирики Н.Ф. Болдырева.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырев Н.Ф. Медленное море: Книга лирики. – Челябинск: Издательство «Версия», 1995. – 128 с.

Болдырев Н.Ф. Имена посллов: Стихотворения. – Челябинск: Студия «Единорог», 2000. – 150 с.

Болдырев Н.Ф. Вотчина: стихотворения; Избранные переводы: Райнер Мария Рильке, Георг Тракль, Пауль Целан. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2007. – 230 с.

Жарикова Е.Е. Ориентальные мотивы в лирике поэтов русского зарубежья Дальнего Востока // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 55. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/orientalnye-motivy-v-lirike-poetov-russkogo-zarubezhya-dalnego-vostoka> (дата обращения: 30.08.2013).

Эйдлин Л. Поэзия эпохи Тан (VII-X вв.). – М.: Худож. лит., 1973. – 480 с.

Эшттейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высшая школа, 1990. – 304 с.

Отрыванов В. Челябинская ГТРК. 2007. URL: <http://chelyabinsk.rfn.ru/gnews.html?id=74141> (дата обращения: 22.09.2013).

© Смышляев Е.А., 2013